

"ЗАЙЦЕВ ПЕРЕУЛОК № 9"

Как зарок, мотив и даже строфа стихотворения вызывают в памяти определенные образы, так и каждый праздник - будь то Рождество, Троица или Пасха, связаны у каждого человека с воспоминаниями совершенно определенного характера.

Меня лично, каждая пасхальная заутреня, барашки верб и восклицания "Христос Воскрес" переносит неизменно во времена далекого отрочества, заслоняя собой и пышные и скромные розговены последующих лет. Как в волшебном фонаре встают передо мной образы моих сверстников, большого губернского города на берегу реки, дома, в котором прошла моя юность и прелестной голубоглазой кукочки - моей первой робкой любви. С ними тесно переплелись в моих воспоминаниях и стоньки Великого Четверга и грустный колокол Погребения и радостные перезвоны заутрени и нежный запах гиацинтов на пасхальном столе.

Ее звали Настей. Она была дочерью швейцара того дома, где жили мои родители. Это была хрупкая тоненькая девочка с прелестными чертами лица и необыкновенно милой манерой держать себя. Никогда в жизни не приходилось мне больше встречать таких синих и таких лучистых глаз.

Матери своей Настя не помнила, а отца мрачного, седобрового Архипа обожала. Впрочем и он платил ей тем-же. Это ее влиянию и заступничеству мы были обязаны снисхождению, с которым Архипыч сносил и нашу езду на перилах лестницы и присутствие зимой санок, а летом - велосипедов в под"езде дома.

Дом этот был большой, каменный, построенный покосом во двор, с массой квартир, заселенных самым разнообразным людом. Впереди был обнесенный чугунной оградой палисадник с чахлыми деревцами, кустами сирени и скамейками, на которых никогда никто не сидел, а сзади тянулся огромный двор, частью мощеный, а частью заросший травой и бусыном. Росли на нем и кусты не то бузины, не то жимолости, и два тенистых катана, под которыми на трех шедших полукругом скамейках, собственно, и проходила вся жизнь дома. С утра на них располагались няньки, в то время как младшее поколение дома или дремало в своих колясочках или ступало крепости из влажного золотистого песка. Перед обедом псылялись школьники и оживлялся угол в котором на из"еденных непогодой и временем трапезнях, каждый норовил блеснуть своей ложечкой. Затем на какие-нибудь полчаса обеденного времени, двор замирал и слышался только звон посуды, ножей и вилок из кухонь. Зато после обеда на двор высыпало все, что только жило молодого в доме и движение достигало своего апогея. Настя никогда в наших шумных играх участия не принимала. Впрочем, стоило ей только появиться под каштанами, как игра замирала, один за другим мальчики под разными благовидными предлогами подсаживались к ней и, вместо "казаксв-разбойников" начиналась игра в "краски", "фанты" или "барыня прислала сто рублей", в которых уже вместе с Настей принимали участие и барышни-гимназистки из третьего этажа и милостивая бонна из бель-этажа.

Мы все были, конечно, неравнодушны к Насте и тайно каждый ревновал ее друг к другу. Несматривая на то, что все мы были в возрасте, когда душевных проявлений стесняешься, своего преклонения перед Настей никто скрывать и не пытался. Эта скромная молчаливая деточка с васильковыми глазами была настоящей чародейкой. Не знаю, собственно, что именно прельщало нас в ней: наружность-ли, необыкновенная-ли, совсем несвоеобразная ее возрасту, серьезность или же просто imponировала ее самостоятельность, оттого, что Настя сама вела свое незамысловатое хозяй-

ство, бегала за покупками, стирала, шила и всегда успевала посидеть или поиграть с нами. Одевалась она необыкновенно тщательно, я не помню, что бы видел на ней смятое платье или передник. Все на ней всегда имело вид, точно сейчас из магазина.

Настя была не только нашим кумиром, но и любимцей всего дома. Ее ставили в пример другим подросткам, девочкам, на которых мы, конечно, внимания не обращали.

В свите истинных вассалов Насти было все школьное поколение нашего дома. Впрочем, даже приезжавшие на каникулы из других городов старшие братья и кузены немедленно поддавали под ее очарование.

Жил у нас во дворе, как тогда говорилось "на хлебником" у соборной просвири, ученик Коммерческого училища, Мишка Бурлаков. Был этот Мишка громадного роста, кослапый и нечесанный, но среди нас, школьников, он пользовался, благодаря своей большой силе, огромным авторитетом. Как этот самый Мишка сам рассказывал, из училища его грозилась выгнать за такие успехи, но зато он был коноводом всех наших шалостей и проделов. И вот он попробовал было подтрунить над нашими чувствами к Насте. Несмотря на все уважение к его мускулам, мы все же незамедлительно ответили дружным бойкотом. Событие это примерно с моим отъездом и поступлением в корпус в столице.

Домой я приехал на пасхальные каникулы и тотчас же появился во дворе, где мой мундир произвел большое впечатление не только на моих сверстников, но даже и на Настю. Один Мишка, казалось, отнесся к этому безучастно. Как я узнал потом, за это время он успел сделатья верной тенью Насти и, вероятно, просто боялся конкуренции.

Что грех таить, влюблен я был в эти пасхальные каникулы так, как можно влюбиться только в шестнадцать лет. Оттого, что Настя была религиозной, я смиренно посещал все великопостные службы, простаивал часами на коленях а потом ловил ее на паперти с тем, чтобы проводить домой. Помню чистенькую веселенькую швейцарскую с канарейками и цветами, которые Настя выращивала круглый год, помню "постные" пирожки с грибами и ни с чем не сравнимое настино кружовниковое варенье! Это были блаженные часы, в которые я, чтобы снискать расположение Архипыча, вдохновенно рассказывал всякие небылицы и пожирал глазами склонившийся над рукоделием настин профиль.

А потом была заутреня, которую я стоял подле Насти, и тихая, напоенная ароматом расбухающих почек, в которую я впервые ощутил на своих губах свежие девичьи губки. Помню, что в ту Пасху я бродил как в тумане и даже пылся писать лирические стихи.

Несмотря на мой успех у Насти, сверстники мои относились ко мне попрежнему благодушно. Диссонансом во всем был только Мишка, бросающий на меня злобные взгляды и старавшийся досадить мне при каждом удобном случае. Тем не менее в корпус я уезжал триумфатором, несмотря на тупую боль в плечице, которую не замечил намять счастливому сопернику в драке Мишка Бурлаков.

В последующие мои приезды чувство мое к Насте все возрастало. Помню, как я просил ее ждать моего производства и не на шутку мечтал жениться на ней.

А потом была война 14-го года, родители мои уехали в другой город и я совсем потерял Настю из виду.

Однажды, проездом на фронт, уже офицером, я очутился в этом и, так как оставалось несколько часов до отправки моего поезда, пошел в Заячий переулок.

В швейцарской меня встретил Мишка. Он возмужал, огрубел и точно еще вырос. Я спросил его об Архипыче.

- Умер полгода тому назад....

- А Настя?

- Настя вышла за меня замуж и теперь я вот тут швейцарствую

Его обухом по голове не мог бы произвести на меня более ошеломляющего впечатления. Первое мое желание было прибить его или чем-нибудь оскорбить. Однако я сдержался и только спросил могу ли я видеть Настю.

- Она ушла в церковь...

В его маленьких хитрых глазках сверкал удовлетворенный смех. Я вышел от него и даже не заглянул в дом, а повернул в знакомую улочку, ведущую к церкви, куда прежде ходила Настя.

Была ранняя весна, пахло клемом почек и сырой землей. В воздухе слышались великолепные торжественные перезвоны.

Со сладко забившимся сердцем вошел я под церковные своды и сразу увидел в стороне у колонны, на обычном месте, знакомый тонкий заборчик. Помню, что в душе моей боролись тогда самые разнородные чувства. Я был и жалок себе и уязвлен и оскорблен, однако, верх взяло все другое.

Я простоял всю сдужбу и вышел, чтобы совсем как прежде, встретить Настю при выходе. Она не удивилась, словно ждала этого момента, поэтому как вспыхнули ее нежные щеки и засветились глаза, я понял, что она мне обрадовалась.

Мы пошли рядом и заговорили о пустяках.

- Вот, Настя, Вы меня и не дождались... ввернул я в разговор шутиливо.

Она подняла на меня глаза и в них я прочел столько боли, что сердце мое сжалось:

- Боже мой, Настя, Вы несчастливы?...

- У каждого свой крест, Алеша... сказала она просто.

А потом она уже только говорила, а я молчал подавленный. Не доходя до дома № 9 по Зайцеву переулку она остановилась: Зайдете?....

- Нет, спасибо, мой поезд уходит через час...

- Ну дай Бог Вам всего хорошего, Алеша... Спасибо, что вспомнил...

- Настя, милая, - сказал я охваченный внезапной нежностью,

- я Вас никогда не забуду... Вспоминайте и Вы хоть изредка обо мне...

- Я всегда молюсь за Вас, Алеша, - ответила она мне показавшись что в ее прекрасных глазах блеснули слезы.

Это было нашей последней встречей. Впрочем, судьбе было угодно, еще раз напомнить мне о ней.

Весной 1920 года, с большими трудностями, мне удалось бежать из тюрьмы на севере и устроиться в семье рабочего в маленьком южном городишке. В то время никто никого ни о чем не расспрашивал и для моих хозяев я был тем, кем значился в документах. Последнее не помешало мне однако, в момент, когда в городок нагрянул орудовавший очень успешно в этих краях, карательный отряд, снабдить меня провизией и посоветовать уйти на время в степь.

Лунной и беззвучной ночью я вышел за город. Я слышал только бегание собственного сердца да хруст застывших лужи льдистых корочек под моими ногами. Вокруг - сколько хватало глаз - не было никого. Я шел легким быстрым шагом и был уже довольно далеко, как вдруг уловил стук приближающихся копыт. Сердце мое замерло. Передо мной лежала степь, равная и бесконечная - ни спрятаться, ни уйти никуда. И я пошел не замедляя шагу навстречу своей судьбе, надвигающейся ко мне в виде всадника на высококом коне.

Не доезжая каких-нибудь тридцати шагов он остановился и крикнул:

- Кто идет?...

- Прохожий, - ответил я хриплым голосом.

- А ну подойди сюда, покажь документы!...

Я подошел и протянул бумажку, которую он поднял в уровень лица и внимательно стал разглядывать. Безпомощным и жалким стоял я перед ним и злобно думал о том, что собственно стянуть его с коня, было бы для меня:

делом одной минуты. Словно угадывая мои мысли, он вытащил шашку и погрозил мне: — И думать не смей бежать, все равно догоню !..

Я только пожал плечами. Увидел ли он в этот момент мое лицо или узнал меня сразу, утверждать теперь не берусь, но только в голосе его, в то время как он протягивал мне документ, звучало нескрываемое торжество:

— Вот и привелось встретиться, Ваше благородие!!! На этот раз так легко от меня не отделаешься... Узнаешь небось ?..

Лунный свет падал сбоку, но и без того, чтобы видеть, я уже по звуку голоса догадался, что передо мной никто иной, как Мишка Бурлаков.

— Ты что ж это разбойничим атаманом заделался, людей по дорогам подстерегаешь ?... спросил я, как можно спокойнее.

— А вот я тебе сейчас покажу какой я атаман... — неожиданно раскричился он и замахнулся шашкой, — нагибай голову !!!

Что оставалось делать? В этот миг передо мной живо, как на экране, промелькнула вся моя жизнь, и город на берегу реки и Зайцев переулочек и сверстники и Настя...

Холодная сталь шашки тяжело легла на мою шею. И в этот миг произошло чудо. Спокойную тишину ночи вдруг разбудил звук колокола, прокатившийся над степью, — один, другой, третий. Это там, позади нас, в городе благовестили к пасхальной заутрени.

Не знаю, что произошло в его душе. Пробудили-ли эти звуки в нем какие-либо воспоминания или чувства, но только клинок дрогнул на моей шее и шашка, выскользнув из рук, стукнулась об мерзлую землю.

— Спасен — мелькнула во мне робкая надежда.

Он казался замеревшим в оцепенении и напряженно вслушивался в ширившиеся и растлавшиеся по степи звуки.

— Счастлив твой Бог, — прохрипел наконец он, — иди, и чтоб духу твоего здесь не было... А, что жив остался, благодари заступницу Настасью!

Что он хотел этим сказать — не знаю. Вспомнилось ли ему в этот миг наше детство в Зайцевом переулке и голубоглазая чародейка или какие-либо иные чувства руководили им, не берусь определить.

Я слышал, как он соскочил с коня, как поднял шашку, как лихо гикнул и как полетел по направлению города. А я все продолжал стоять недвижимым, машинально вслушиваясь во все удаляющийся стук копыт.

Пахло сырой землей пробуждающейся степи, давно замолкли вдали колокола, а во мне еще звенели грустные и вместе с тем радостные воспоминания.

М. Вельская

"Когда государство управляется несвойственными его народу принципами нравственности, оно разрушается."

Иеремия Бентам "Десонтология"
